

П. Л. Барк

**Воспоминания последнего
министра финансов
Императорской России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П11

П11 **П. Л. Барк**
Воспоминания последнего министра финансов Императорской России / П. Л. Барк – М.: Книга по Требованию, 2015. – 393 с.

ISBN 978-5-519-48594-4

Воспоминания П.Л. Барка, последнего министра финансов российского императорского правительства. По материалам журнала "Возрождение".

ISBN 978-5-519-48594-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

что всё его поданные должны быть только послушными исполнителями его повелѣній.

Сомнѣнія Государя проистекали совсѣм не от отсутствія у него воли. Государь не был слабым, как многіе думали.

Громадное бремя, которое легло на его плечи, его молодость прошедшая под вліяніем Имп. Александра III, обладавшаго желѣзной волей, воспитаніе и нѣкоторыя естественныя склонности содѣйствовали выработкѣ характера Николая II, который мог казаться слабым только тѣм, кто недостаточно

Царская Семья злодѣйски убитая большевиками в ночь с 17 на 18 июля, 1918 г.

его знал. Он умѣлъ выслушивать мнѣнія, которыя он не раздѣлял. Он не любил пускаться в споры. Как источник в горах, который обходит препятствія и, несмотря на них, прокладывает себѣ дорогу в долину, так и он выслушивал противоположныя мнѣнія, не оспаривал их, но проходил мимо.

Пассивное мужество, необходимое терпѣніе — качества специфически русскія — были сильно развиты у Государя. Рѣшенія категорическія и поспѣшныя, не соотвѣтствовали его натурѣ. Он отлично отдавал себѣ отчет в сложности государственныхъ вопросов, он видѣлъ всё за и всё против, и не принимал рѣшенія легкомысленно.

Между тѣм, если убѣжденіе у него сложилось и созрѣло, он приводил собственные планы, несмотря на оппозицію своих

сотрудников. Он несомнѣнно сознавал всю опасность такого шага, но мысль о том, не остановила его отъѣзда в Ставку.

Мнѣ сильно врѣзалось в память одно замѣчаніе, которое Государь сдѣлал во время одного из моих докладов. Я говорил ему, что в военное время, когда министру финансов приходится изыскивать новые источники доходов для покрытія все возрастающих издержек, появляется множество непрошенных совѣтников, предлагающих самые фантастическіе проекты новых доходов. Я пояснил, что мнѣ трудно бывает отказывать в личном пріемѣ разным видным дѣятелям, не имѣющим никакого понятія о финансах, но с большим апломбом и такой же наивностью излагающим мнѣ свои проекты. Я сказал Государю, что очень внимательно и терпѣливо выслушиваю таких совѣтников, но не говорю им своего мнѣнія, а поступаю по-своему. Государь улыбнулся и сказал: "Вы совершенно правы, я поступаю так же".

Государь не держал себя, как самодержец. Напротив, он дѣйствовал всегда чрезвычайно деликатно. Ему было всегда непріятно высказывать свое неудовольствіе. Если ему приходилось это дѣлать, то он предпочитал дѣйствовать через посредника. Если ему нужно было уволить министра, он сообщал об увольненіи письменно.

Государь был всегда очень сдержанным. Можно было подумать, что ничего его не трогало, что он был флегматичным и безразличным. Но это только казалось. На самом дѣлѣ многія обстоятельства задѣвали, возмущали и сердили его. Но он имѣл силу сохранять как бы маску спокойствія и безразличія. Можно было замѣтить только особый блеск в его взглядѣ, который дѣлался далеким и, казалось, уходил в безконечность.

Только с опубликованіем писем Николая II к Императрицѣ характер Государя открылся публикѣ. В письмѣ от 12 іюля 1915 г. он пишет: "Да, моя дорогая, я начинаю чувствовать мое старое сердце. В первый раз это было в августѣ прошлаго года послѣ Самсоновской катастрофы, и теперь снова".

Только чрезвычайное самообладаніе позволило Государю переносить заключеніе в Тобольскѣ и в Екатеринбургѣ с таким достоинством и спокойствіем.

Сила его характера и глубокое пониманіе долга облегчали Государю чтеніе многочисленных документов и донесеній, которые ему были адресованы. Он никогда не шел отдыхать, пока не ознакомится с ними и не поставит своих резолюцій на всѣх бумагах, накопившихся за день на его столѣ.

Несмотря на большое самообладаніе, Государь не мог пересилить окончательно своей прирожденной застѣнчивости. Она проявлялась всегда, когда ему приходилось выступать перед большой аудиторіей, и он никогда не имѣл той легкости обращенія, которая была присуща его отцу и матери — Императору Александру III и Императрицѣ Маріи Федоровнѣ. Но зато у Государя была особая личная обаятельность, она побѣждала всѣх тѣх, кто его знал.

Думаю, что его застѣнчивость была отчасти послѣдствіем той обособленности, в которой жила Царская семья.

На протяженіи исторіи Императоры Россіи были в постоянных и близких сношеніях со своими сотрудниками, и в особенности с лицами своей свиты. Они также хорошо знали офицеров Гвардіи. Многія лица приглашались къ обѣду, и послѣ трапезы Государи вели оживленные разговоры съ приглашенными.

С восшествіем на престол Александра III привычки Двора измѣнились. Император думал, что многочисленныя лица, окружающія трон, были во власти личных амбицій, которыя толкали их на всякія интриги, могущія имѣть нежелательное вліяніе на политику. Желая освободиться от этой атмосферы, Император Александр III оставил столицу и поселился въ Гатчинѣ. Все же он сохранилъ около себя круг интимных друзей, имѣвших привилегію говорить непринужденно со своим Государем.

У Императора Николая II никогда не было ни малѣйшей интимности со своим окруженіем, а Императрица не допускала даже мысли приблизить къ себѣ кого-либо.

Оттого Император знакомился со своими министрами только послѣ их назначенія. Среда, из которой выходили они, ему была незнакома. Он избѣгал сближенія со своими сотрудниками, министрами и государственными людьми, но был круг, который Государь любил и въ котором он себя чувствовал совершенно свободно, — это была Армія. Он был прежде всего военным. Любовь къ арміи и простому солдату он унаслѣдовал от отца.

Совершеннолѣтіе Императора Николая II было провозглашено, когда ему исполнилось 15 лѣтъ, 6/19 мая 1884 г.; он принес тогда присягу и ему было разрѣшено носить форму одного казачьяго полка. Служил он въ теченіе нѣскольких лѣтъ въ пѣхотѣ, затѣм въ кавалеріи, потом во флотѣ, и он также командовал артиллерійской батареей.

Никто изъ русскіихъ императоровъ не обладалъ такими исключительными познаніями въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, какъ Николай II.

Ему было легко находить подходящія слова въ разговорѣ съ солдатами, и онъ сдѣлалъ очень многое, чтобы улучшить ихъ положеніе.

Онъ любилъ также полковую жизнь и офицерское товарищество. Онъ охотно присутствовалъ на полковыхъ праздникахъ, и за офицерскимъ столомъ онъ забывалъ обычную сдержанность. Онъ воодушевлялся въ разговорахъ и входилъ въ интересы и желанія офицеровъ.

Съ начала своего царствованія онъ увеличилъ жалованье и пенсіи офицерамъ. Онъ часто изъ своихъ личныхъ средствъ приходилъ на помощь офицерскимъ семьямъ, особенно если это касалось образованія дѣтей.

Онъ принималъ близко къ сердцу благосостояніе крестьянина. Крестьянскій вопросъ, по его мнѣнію, былъ главнымъ. Поэтому

царь поддерживал Столыпина, когда послѣдній начал проводить свою аграрную реформу 1906-1910 гг., дававшую крестьянину право покупать землю и выходить из общины.

В одном из своих писем, напечатанных в V-м томѣ "Краснаго Архива", Государь пишет по поводу путешествія Столыпина и Кривошеина, министра земледѣлія, в Сибирь: "Я былъ очень рад узнать о Вашемъ возвращеніи. Я ожидаю Вашего письменнаго доклада, такъ же какъ Кривошеина, относительно всего того, что Вы тамъ видѣли, и жду Вашихъ совѣтовъ о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять для колонизаціи этой страны. Аграрная организація и колонизація Сибири — вотъ всѣ проблемы первенствующей важности, которыми должно заняться правительство безъ промедленія. Совершенно очевидно, что и другіе вопросы не должны быть забыты, какъ напримѣръ, народное образованіе, пути сообщенія и т. п., но два первыхъ вопроса должны быть атакованы прежде всего".

Государь интересовался въ особенности сооруженіемъ жел. дорогъ в Сибирь, необходимыхъ для колонизаціи этой области.

Какъ я говорилъ выше, Государь будучи еще Наслѣдникомъ Престола, состоялъ предсѣдателемъ комитета для постройки сибирской магистрали, которая должна была соединить Москву с Владивостокомъ. Позже онъ интересовался также постройкой желѣзной дороги, которая соединила бы Сибирь с Туркестаномъ и Закаспійской Областью.

Когда Государь запретилъ продажу водки в 1914 году, онъ это сдѣлалъ, дабы улучшить благосостояніе крестьянина. Если онъ выказалъ мнѣ довѣріе, назначивъ меня министромъ финансовъ, это было потому, что онъ зналъ, что я раздѣляю его личное желаніе, которое у него было с давнихъ поръ, — положить предѣлъ злоупотребленію алкоголемъ.

Я объясняю также снисходительное отношеніе къ Распутину со стороны Государя его симпатіей къ крестьянамъ.

Много легендъ сложилось вокругъ имени Распутина.

Послѣ опубликованія корреспонденціи между Государемъ и Государыней Императрицей, стенографическихъ отчетовъ о допросѣ Царицы, министровъ, генераловъ и крупныхъ чиновъ Императорскаго Двора Чрезвычайной Комиссіей Временнаго Правительства в 1917 году ("Паденіе Царскаго режима"), а также послѣ появленія такой книги, какъ "Трагическая участь Императора Николая II и его Семьи" П. Жильяра, можно ясно отдать себѣ отчетъ в томъ, насколько оказались лживыми нелѣпыя рассказы о роли и вліяніи Распутина при Дворѣ.

Распутинъ былъ простымъ крестьяниномъ, который послѣ довольно распущенной жизни в молодости, в его родной Сибири, почувствовалъ влеченіе къ религіи. Онъ отправляется в паломничество и посѣщаетъ Святыя Мѣста в Палестинѣ. Когда онъ вернулся в Россію, два представителя высшей церковной іерархіи в С.-Петербургѣ, архіепископъ Ѳеофанъ и Гермогенъ, заинтересовались имъ и ввели в аристократическую среду.

Двѣ Вел. Княгини-черногорки — Анастасія Николаевна, же-

на Вел. Князя Николая Николаевича, Верховнаго Главнокомандующаго во время войны, и Вел. Княгиня Милица Николаевна, жена Вел. Князя Петра Николаевича — стали поклонниками Распутина и рекомендовали его Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Государыня была очень религіозна. Она приняла Распутина, как апостола, который был ей послан Богом. Когда же Распутин облегчил страданія Наслѣдника Цесаревича, страдавшаго гемофіліей, Императрица увѣровала в духовную силу Распутина безпределно.

Друг Императрицы А. И. Вырубова стала тоже вѣрной послѣдовательницей Распутина. Постепенно он так завоевал Императрицу и Вырубову, что обѣ онѣ стали совѣтоваться в вопросах, особенно им дорогих. Однако, отсюда было еще очень далеко до того, чтобы считать Распутина хозяином Россійской Имперіи.

В теченіе трех лѣтъ я был во главѣ русских финансов, но не видал никаких признаков вліянія Распутина на Государя касательно дѣла моего министерства. Никогда Государь не передавал мнѣ ни одной просьбы с рекомендательным письмом Распутина.

Вліяніе Распутина не чувствовалось в министерствѣ финансов, и прибавлю к этому, что я не обращал никакого вниманія на письма, подписанныя “Григорій”, которыя я иногда получал с просьбами тѣх или иных заинтересованных лиц.

Тот кто не знал Императорской Россіи, будет удивлен, узнав, что ни в какой, так называемой, демократической странѣ министры не бывают так доступны для лиц, желающих их увидѣть лично, как это было у нас в Россіи. Любое лицо могло обратиться к секретарю, дав ему свое имя, чтобы быть принятым министром в его пріимный день. Никакой рекомендаціи не требовалось. Я принимал каждую пятницу послѣ полудня, и обычно число желавших меня видѣть было от 50 до 60 человек. Нужно еще прибавить, что я не дѣлал обхода посѣтителей

Император Николай II.

в приемной залѣ, а принималъ каждого в отдѣльности в маленькой гостиной, смежной с моимъ рабочимъ кабинетомъ.

Со времени отбытія Государя на фронтъ, Императрица оставалась в Царскомъ Селѣ, и напоръ Распутина сталъ сильнѣе: было много просителей, которые прежде чѣмъ обращаться ко мнѣ, заходили к Распутину и получали от него записки, подписанныя "Григорій".

Любопытно было наблюдать поведеніе носителей этихъ писемъ, когда они проникали ко мнѣ. Нѣкоторые входили очень самоувѣренно, убѣжденные, что письмо Распутина обезпечиваетъ имъ успѣхъ. Другіе передавали эти письма очень застѣнчиво, не зная, дѣйствительно ли цѣненъ этотъ документъ, или же онъ скорѣе компрометирующій. Я поступалъ всегда одинаково. Я говорилъ просителю, что никакое рекомендательное письмо не требуется в Министерствѣ Финансовъ; что министр можетъ только дѣйствовать согласно законамъ и существующимъ постановленіямъ, и что всякая просьба будетъ разсматриваться отдѣльно, по ея достоинству. Затѣмъ, передавая просьбы моему секретарю, я его просилъ сохранить у себя письма Распутина в особой папкѣ, а самыя просьбы посылать в соответствующее отдѣленіе Министерства, не упоминая о рекомендаціяхъ. Такого рода процедура не вызывала никакихъ для меня непріятностей, и я могу утверждать, что вліяніе Распутина никогда не отражалось на финансахъ государства.

Я также убѣжденъ, что онъ никогда не вліялъ прямо на Государя. К сожалѣнію, клевета, лишняя всякихъ основаній, распространялась даже в прессѣ. Говорили, напримѣръ, что назначенія на всѣ высокіе посты не дѣлались иначе, какъ по желанію Императрицы, якобы, всецѣло зависѣвшемъ от Распутина. Выраженіе "царство Распутина" все больше распространялось. Все это, конечно, было вымысломъ.

В трудѣ, о которомъ я уже упоминалъ, — "Паденіе Царскаго Режима" (стенограф. отчеты, касающіеся допросовъ министровъ, сановниковъ, генераловъ и высшихъ чиновъ Имп. Двора Чрезвычайной Комиссіей Временнаго Правительства 1917 г., напечатанные Совѣтскимъ правительствомъ), есть свѣдѣнія относительно министровъ, бывшихъ в сношеніяхъ с Распутинымъ. Ихъ были трое: министръ внутреннихъ дѣлъ Алексѣй Хвостовъ, предсѣдатель Совѣта министровъ Штюрмеръ и министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ. Другіе министры, которые встрѣчали Распутина, никогда не предпринимали никакихъ шаговъ, чтобы сблизиться с нимъ. Что касается назначенія трехъ упомянутыхъ министровъ, я могу утверждать с полной увѣренностью, что совсѣмъ не рекомендаціи Распутина повліяли на выборъ ихъ Государемъ. В воспоминаніяхъ графа Коковцева, бывшій Предсѣдатель Совѣта Министровъ объясняетъ детально, что послѣ убійства Столыпина Государь имѣлъ намѣреніе назначить министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Алексѣя Хвостова. Графъ Коковцевъ находилъ, что этотъ выборъ неудаченъ. Онъ написалъ длинное письмо Государю, прося его

измѣнить свое намѣреніе, и Его Величество уступило просьбѣ Коковцева.

Слѣдовательно, еще в 1911 году Государь думал уже о Хвостовѣ, как о кандидатѣ на пост министра внутренних дѣл. Он находил его умным, энергичным и думал, что он досконально знаком с администраціей провинціи. Совершенно естественно, что в 1915 году Государь опять вспомнил о нем, тѣм болѣе, что Хвостов был за это время выбран членом Государственной Думы и что Государь был очень склонен искать кандидатов в министры из членов представительных учреждений.

Штюрмер принадлежал к правому крылу Государственного Совѣта, был в хороших отношеніях со своим товарищем по Гос. Совѣту Горемыкиным и был рекомендован Государю Александром Танѣвым, Главноуправляющим Собственной Его Величества Канцеляріей.

Протопопов, член Государственной Думы и ея Вице-Предсѣдатель, был неоднократно рекомендован Государю Предсѣдателем Думы Родзянко.

Нужно согласиться, что эти три министра не были исключительно благороднаго характера. Они считали, что так как Императрица остается в Царском Селѣ и так как она думает, что она должна соблюдать интересы династіи пока Государь на фронтѣ, то им лучше сблизиться с Распутиным, под вліяніем котораго она находится. Может быть, такое разсужденіе было и логичным, но их попытки поднять свой престиж, культивируя дружбу с Распутиным, не оправдались. Несмотря на эту дружбу, Хвостов и Штюрмер были в составѣ правительства всего только нѣсколько мѣсяцев, а назначеніе Протопопова незадолго до революціи вызвало сильные протесты в самых разнообразных кругах. Всѣ члены правительства пришли к одному заключенію, что Протопопов должен уйти в отставку.

Я объясню в дальнѣйшем, каким образом произошли перемѣны в составѣ Кабинета Министров в іюнѣ 1915 года.

Кандидаты были выбраны Совѣтом Министров и Государь их утвердил, несмотря на явную антипатію Императрицы в отношеніи нѣкоторых из них. Так напримѣр, она терпѣть не могла генерала Поливанова и не любила князя Щербатова. Несмотря на это, они оба были назначены министрами.

Когда Император уѣхал на фронт, Императрица начала мнить себя охранительницей династіи и думала, что Провидѣніе предназначило ей слѣдить за тѣм, чтобы только люди, заслуживающіе довѣріе, занимали бы высокія должности в государствѣ. Она была знакома со средой, из которой можно было выбирать кандидатов на высокіе посты и поддавалась желаніям людей, которые ей были близки, в особенности Вырубовой. Таким образом, нѣкоторые честолюбцы и интриганы, желавшіе быстро подняться по административной лѣстницѣ, старались пройти через черный ход.

Но, как я уже говорил выше, Государь, несмотря на настаиванія Государыни, очень рѣдко дѣйствовал по ея совѣтам.

Что касается портфеля министра финансов, интересно отметить, что уже в декабрь 1915 г. Императрица писала своему мужу, что меня надо убрать и назначить на мое место графа Татищева.

Несмотря на это, Государь не поддавался убеждениям Императрицы и я оставался на своем посту до революции, хотя, с своей стороны, я два раза просил у Государя освободить меня от моих обязанностей.

Мои коллеги знали, что многочисленные интриги велись против меня и совѣтовали с настойчивостью, чтобы я попросил аудиенции у Императрицы и держал бы ее в курсе дѣл моего министерства. Я им всегда отвѣчал, что я вовсе не хочу, чтобы то ни стало оставаться на посту и, во всяком случае, не желаю предпринимать шаги, чтобы удержать свой портфель. Я обязан держать Государя в курсе финансового положенія Его Имперіи, но не Императрицу. Разумѣется, если бы Императрица выразила бы желаніе меня увидѣть, я буду готов дать ей всѣ объясненія, которыя она бы хотѣла.

Государыня проявила такую инициативу только один раз осенью 1916 года, т. е. ровно год послѣ того, как Государь уѣхал на фронт. Она запросила предварительно Государя, может ли она меня вызвать, чтобы поговорить со мною о том, как организовать и дать заработок по окончаніи войны многочисленным демобилизованным солдатам. Во время одного из разговоров с Предсѣдателем Совѣта Министров Штюрмером, она высказала желаніе поговорить со мной. На другой день я был в Царском Селѣ и объяснил Императрицѣ, что между министром путей сообщенія и мною достигнуто соглашеніе о постройкѣ большой сѣти жел. дорог как только война будет закончена. Россія отстала в этом отношеніи от других стран Европы. Ея сѣть жел. дорог очень рѣдкая, и военныя операціи лишній раз показали это. Постройка крупных желѣзнодорожных линій поможет, кромѣ всего, примѣнить демобилизованных людей.

Послѣ этой аудиенціи я не видѣл больше Императрицы в Царском Селѣ.

Иногда, когда я приѣзжал для очередного доклада в Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, Императрица была в Могилевѣ. Послѣ завтрака, на котором присутствовали министры, Император с Императрицей обходили приглашенных и бесѣдовали с ними. Императрица никогда не обращалась ко мнѣ.

Всѣ эти факты показывают, что рекомендаціи и совѣты Императрицы и Распутина не имѣли большого вліянія на Государя. Тѣ из его сотрудников, которые не были знакомы с Распутиным и не старались завоевать симпатіи Императрицы, не теряли, во всяком случаѣ, довѣрія и уваженія Государя.

Если было бы вѣрным, что всѣ несчастія Россіи вызваны Распутиным, то его смерть (он был убит князем Юсуповым с сообщниками в декабрь 1916 года), положила бы им конец.

Но причины, приведшія к революціи, имѣли болѣе глубо-

кіе корни. Революціонное движеніе сильно развилось в період либеральных реформ Александра II. Однако, тогда не существовало Распутиных. Между тѣм, самый либеральный из русских монархов был убит революціонерами. Позднѣе, во время войны с Японіей, были возстанія по всей Имперіи, и первая революція разразилась в Москвѣ. В это время тоже не было Распутиных, и все же наша, так называемая, интеллигенція старалась всячески произвести переворот. Не трудно разобратъ откуда приходили легенды, о вліяніи Распутина. Для всѣх элементов оппозиціи, шедших в атаку на власть, Распутин был дѣйствительно находкой.

Они могли использовать вліяніе Распутина на Императрицу, чтобы обвинить ее в измѣнѣ; ее также обвиняли в сим-

Исаакіевскій Собор в С.-Петербургѣ.

(Со старинной гравюры).

патіях к Германіи (чего никогда не было); распространяли слухи о ея желаніи (тоже вымышленном) заключить сепаратный мир с Центральными Державами. Визиты Распутина во дворец позволяли распространять самыя грязныя сплетни. Напримѣр, Вырубову называли любовницей Распутина. Распространялись и еще болѣе мерзкія исторіи.

Я вспоминаю мои показанія в Чрезвычайной слѣдственной комиссіи, учрежденной Временным Правительством в мартѣ 1917 г., с презрѣнным намѣреніем доказать преступленія Императорской Семьи и государственных дѣятелей стараго режима. Прокурор мнѣ задавал вопросы, имѣвшіе цѣлью выяснить вмѣшательство Распутина в государственныя дѣла. Прокурор ста-

рался получить от меня указанія, которыя подтвердили бы слухи, ходившіе о вліяніи Распутина. Когда я разгадывал намѣренія прокурора, я просил задавать мнѣ вопросы вполнѣ искренно и прямо, с тѣм, чтобы и я мог отвѣчать на них с полной откровенностью.

Один из вопросов, заданных мнѣ прокурором, касался ген. Бѣляева, Начальника Генеральнаго Штаба при Военном Министерствѣ, котораго я пригласил сопровождать меня в Лондон и Париж морем в 1916 году, чтобы принять участіе в конференціи с союзными правительствами. В началѣ я не понимал, что означали затуманенные вопросы, задаваемые мнѣ. Когда я понял намѣреніе Прокурора, я его спросил прямо “Вы, вѣроятно, думаете, что генерал Бѣляев был мнѣ рекомендован Распутиным и что эта рекомендація помогла генералу, стать Военным Министром?” — “Да, вы правы”, — отвѣтил Прокурор. Тогда я ему разъяснил, что генерал не был мнѣ рекомендован Распутиным, я его знал раньше и считал его одним из наиболѣе компетентных лиц из состава военнаго министерства. Кроме того, прежде чѣм выбрать генерала Бѣляева, я запросил мнѣніе о нем министра иностранных дѣл Сазонова, получавшаго через Бѣляева свѣдѣнія, интересовавшія Союзников и касающіяся военных вопросов; я также посоветовался с Вел. Кн. Николаем Михайловичем. Послѣдній не принимал активнаго участія в военных дѣлах, но он был очень наблюдателен и имѣл всегда независимые взгляды.

Интересно отмѣтить, что когда я сдѣлал послѣднія показанія в слѣдственной комиссіи осенью 1917 года, я задал уже сам нѣсколько вопросов Прокурору. Он был одним из наиболѣе видных членов Московской прокуратуры и казался мнѣ абсолютно безпристрастным. Я ему сказал: “Вы меня допрашивали, позвольте теперь и мнѣ задать вам нѣсколько вопросов. Слѣдственная комиссія работает уже нѣсколько мѣсяцев. Какія преступленія членов Императорской фамиліи и бывших министров она нашла?” — Прокурор поступил, как джентльмен. Он мнѣ отвѣтил: “Временное Правительство поручило нам выяснить преступныя дѣйствія членов Императорской Семьи и бывших министров, но оно будет разочаровано: мы не нашли ничего”.

Маленькія листовки самаго низкаго свойства вырастали, как грибы послѣ дождя, в первые дни революціи. Одна такая газетка напечатала текст шифрованной депеши, подписанной “Аликс”, которая будто бы была послана за границу. Она содержала секретныя свѣдѣнія для Германіи, переданныя через нейтральную страну. Керенскій, первый министр Юстиціи Временнаго Правительства и послѣ Предсѣдатель Совѣта Министров, ознакомился с этой депешей и сам просил Комиссію выяснить подробно это дѣло. Послѣ подробностей анкеты было установлено, что такая депеша никогда не была послана и, что болѣе того, она была составлена телеграфисткой в обмѣн на коробку конфет, полученной ею от редактора маленькой